

А. А. НАЗАРОВСКИЙ

Несколько замечаний о «Послании дворянина к дворянину»

Так называемое «Послание дворянина к дворянину» было найдено (в единственном пока известном списке XVII в.) и опубликовано Н. К. Никольским еще в 1892 г.,¹ но не обратило на себя внимания и не было включено в научный оборот ни историками, ни литературоведами, оставаясь в забвении свыше пятидесяти лет. Только в 1948 г. в изданной Академией наук СССР «Истории русской литературы» С. К. Шамбинаго поместил небольшую заметку,² в которой остановился преимущественно на литературной стороне этого своеобразного памятника и квалифицировал его как произведение «фольклорного стиля», древнейшее в нашей книжной литературе проявление того «скоморошьего стиля», который в посадской литературе второй половины XVII в. найдет себе широкое применение».³

Как исторический источник исключительной важности, содержащий ценнейший материал для характеристики социальной природы восстания Болотникова, «Послание дворянина к дворянину» проанализировано И. И. Смирновым в одном из приложений к его исследованию «Восстание Болотникова. 1606—1607».⁴ Здесь же убедительно доказано, что предполагаемый автор «Послания» — «Фуников Иванец» — является реальным историческим лицом, тульским дворянином-помещиком среднего достатка.⁵

Во втором издании своей монографии о восстании Болотникова (1951 г.) И. И. Смирнов, учитывая погрешности в публикации Н. К. Никольского и малодоступность издания, в котором она была помещена, заново переиздал весь текст «Послания дворянина к дворянину» по той же единственной рукописи с соблюдением возможной точности.⁶

Ряд ценных замечаний о социальной природе «Послания» и его связей с фольклорным прибауточным стихом и народной речью сделала В. П. Адрианова-Перетц в статье «Исторические повести XVII века и устное народное творчество»,⁷ где она присоединилась к мнению И. И. Смирнова об авторе «Послания». В новой же своей работе «Рус-

¹ Николай Никольский. Рифмованное «Послание дворянина к дворянину» XVII в. — Библиографические записки, 1892, № 4, стр. 279—281. Текст «Послания» издан здесь неточно, с ошибками (см.: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1949. стр. 517, примечание).

² История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, 1948, стр. 41—42.

³ Там же, стр. 42.

⁴ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, 1949, стр. 517—519 (Приложение II. «Послание дворянина к дворянину»). То же во 2-м издании книги (Л., 1951) см. на стр. 463, 499—500, 540—541.

⁵ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, 1949, стр. 518—519.

⁶ Там же. 1951, Приложение III (на стр. 541—543 текст по рукописи ГПБ, собр. б. Софийской библиотеки, № 1480, лл. 152—155 об.).

⁷ ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 67—96; о «Послании» — стр. 74—76.

ская демократическая сатира XVII века» В. П. Адрианова-Перетц по-новому ставит вопрос об авторе «Послания», считая, что оно написано не самим Фуниковым, а только от его лица.⁸

Наконец, краткие сведения о «Послании», главным образом о его литературных особенностях, Н. К. Гудзий включил в пятое издание своего вузовского учебника древней русской литературы.⁹

Небольшое по объему «Послание дворянина к дворянину», ярко отразившее крестьянскую войну начала XVII в., делится на две неравные части, резко отличающиеся одна от другой и материалом своего содержания, и особенностями стиля. Меньшая, вторая по порядку, часть в самых общих чертах, обычным для того времени традиционным книжным стилем рисует то положение, в котором оказалась Русская земля в начальные годы XVII в.: раньше она была «блага и населенна», теперь же опустошена и напоена кровью, пролитой обильно, подобно дождю; вместо пшеницы на ней выросли тернии; церковь божия — как поруганная вдова, красота которой уничтожена иноплемениками и «нашими, восставшими на нас»; «грады разорены и пожжены»; население гибнет от голода и подвергается насилиям, и даже сам «царствующий град», т. е. Москва, испытывает бедствия. И все это происходит по воле божьей: «богу тако изволю». Если в Вифлееме «токмо едины младенцы убиваемы бываху», то теперь здесь «всяк возраст не пощаден бысть»; вот почему «превосходит бо плач наш паче вифлеомскаго плача». Эта заключительная часть «Послания» и по общему тону, и по оценке событий, и по приподнятому книжному стилю совпадает с теми историческими произведениями начала XVII в., которые вышли из консервативных кругов и с их точки зрения освещали изображаемые события (вроде «Иного сказания»).

Совсем другой характер носит первая часть «Послания», где автор — лицо вполне реальное, тульский помещик-дворянин Иванец Фуников¹⁰ — рассказывает своему адресату, что ему пришлось вытерпеть от восставших крестьян, «тульских воров», как он их называет. Таким образом, перед нами едва ли не единственный случай в исторической повествовательной литературе начала XVII в., когда автор рассказывает не о событиях вообще, хотя бы как их участник или очевидец, а именно о себе самом, о том, что ему самому пришлось пережить в это бурное время. Правда, В. П. Адрианова-Перетц в своей книге «Русская демократическая сатира XVII века» оспаривает авторство Фуникова, которое раньше¹¹ не вызывало у нее сомнений. Приведя строки «Послания»: «за старые шашни хотели скинуть с башни» (восставшие крестьяне — его, своего помещика), она говорит: «В „послании дворянина“ нет антифеодальной тенденции, но назвать „старыми шашнями“ поведение помещика мог лишь тот, кто, даже явно не сочувствуя восстанию крестьян, считал заслуженной расправу их с помещиком. Вряд ли сам Фуников допустил бы в письме такое самообвинение; „послание“ сложено

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (сер. «Литературные памятники»), стр. 236—239.

⁹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 5. М., 1953, стр. 348—349. То же повторено в 6-м издании (М., 1956, стр. 363—364).

¹⁰ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, 1949, стр. 518—519: в писцово-войсковой книге г. Тулы и Тульского уезда 1587—1589 гг. имеется описание поместья Ивана Фуникова; в момент составления писцовой книги он был еще молод, в период восстания Болотникова уже стар; в «Послании» говорится, что ему «не мало лет» и что он «сед».

¹¹ В указанной выше статье в ТОДРА (т. IX, стр. 74—76).

от его имени кем-то, хорошо знавшим его быт».¹² С этой новой трактовкой, мне кажется, едва ли можно согласиться. Фуников, конечно, не считал себя безгрешным перед своими восставшими крестьянами и понимал, что теперь они сводят с ним старые счеты за его старые «грехи», причем рифма «пашни» напрашивалась сама собой, если его действительно собирались сбросить «с башни». Мера же эта, как известно, нередко применялась крестьянами во время восстания по отношению к их угнетателям — помещикам: «многих воевод и дворян различными муками мучили, и их с башни кидали, иных с мосту в ров»;¹³ «бояр и воевод и всяких людей побивали разными смертями, бросали с башен».¹⁴ Широко используя в «Послании» народный юмористическо-прибауточный стиль, Фуников применил здесь и нередкий в народном творчестве прием иронизирования над самим собой, что В. П. Адрианова-Перетц сама отметила в своей первой статье, приведя несколько соответствующих примеров из народных пословиц.¹⁵ Такие примеры иронизирования над собой встречаются и в других жанрах народного творчества; укажу хотя бы широко известную, вошедшую даже в школьные учебники народную «разбойничью» песню, отразившую тяжелую крестьянскую жизнь при крепостном праве:

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом попобито. . .

Вспомним также в насыщенной элементами народного творчества «Повести о Горе и Злочастии» горькую иронию над собой «молодца», когда, проснувшись в кабаке, он увидел, что «вся собина у его ограблена»: «Житие мне бог дал великое, ясти-кушати стало нечево!».¹⁶

Итак, первая часть «Послания» носит, как видим, чисто личный, автобиографический характер. Описание разгрома своего поместья восставшими крестьянами Фуников адресует какому-то богатому, а может быть, и власть имущему покровителю, не называя его, правда, по имени, а давая лишь общую характеристику в униженно-угоднических выражениях: «благих подателю и премудрому наказателю, нашего убожества милосерде взыскателю и скудного моего жительствова присносущу питателю». С. К. Шамбинаго высказал было предположение, что автор «Послания» «определенного адресата. . . и не имел в виду, а обращался к чита-

¹² В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 239.

¹³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. XII, гл. 1, прим. 47, со ссылкой на Никоновскую летопись.

¹⁴ Там же, со ссылкой на Столяровский хронограф. (Разрядка моя, — А. Н.). Последнюю цитату приводит также И. И. Смирнов со ссылкой на А. Попова: Изборник, стр. 331 (Восстание Болотникова, 1951, стр. 462, прим. 3). Он же сообщает аналогичные документальные данные о некоем Ишее Барашеве, попавшем в руки восставших во время осады Тулы правительственными войсками: «и его взяли в полон, и приведчи на Тулу, били кнутом, и медведем травили, и на башню ввозили, и в тюрьму сажали, и голод и нужду терпел» (там же, стр. 462). Добавлю еще одну цитату из челобитной братьев Сухотинных: «В прошлом. . . во 115-м году, как зачалась в Украинских городех смута, и в те поры отца нашего Денисья воры убили з башни, а животы. . . все разграбили. . . А поместьецо, огда нашего высуду, розграбили без остатка (ЧОИДР, 1915, кн. 4, стр. 112. Подчеркнуто мной, — А. Н.).

¹⁵ ТОДРА, т. IX, стр. 76.

¹⁶ П. К. Симони. Повесть о Горе и Злочастии. . . — СОРЯС, т. 83, № 1. СПб., 1907, стр. 33.

телю, взывая к его сочувствию».¹⁷ К такому мнению склоняется и В. П. Адрианова-Перетц в своей последней работе о русской сатире XVII в., где она высказывает предположение, «что ... реального адресата и не было, что рассказ о разорении поместья Фуникова лишь облечен в форму послания».¹⁸ Едва ли это так. Хотя в «Послании» подлинное имя адресата и заменено ничего не говорящим «имя рек», но на всем его протяжении чувствуется, что автор обращается к реальному лицу: он упоминает о каком-то «рукописании» адресата к себе, говорит ему — «и милосердия твоего у князя Ивана рыбою насладихся», сообщает, что постоянно молится за него; во второй части он говорит адресату: «не единех бо нас постигоша злая, но и всю страну нашу», говорит «о скорбех, постигших нас», объясняет, что описал «не все беды и разорения», чтобы «не наложить» ему (адресату) «скорбь на скорбь», и заканчивает свое «Послание» горестным итогом: «Твоя ж и моя вся взята быша без останка». Очевидно, реальным адресатом Фуникова был кто-нибудь из соседей, какой-то крупный феодал-землевладелец на Тульской же земле. Но, обращаясь к нему, автор «Послания», конечно, мог рассчитывать и на более широкий круг читателей и, может быть, надеялся вызвать их сочувствие к себе. При чтении «Послания», особенно только что цитированных последних его строк, невольно вспоминаются современные «Посланию» челобитные царю Василию Шуйскому от помещиков, имена которых были разорены во время восстания Болотникова. Так, например, тульский же, как и Фуников, помещик — «туленин» Степан Ушаков — жаловался царю на свое разорение: «... и я, холоп твой, на твою царскую службу готов головою своею, а поднятца мне, холопу твоему, не чим, разорен без остатку: твое царское жалованье поместейце у меня было на Туле и то пусто, а животишка, государь, мое разграбили твои государевы изменники... без остатку».¹⁹

Мне кажется, что в «Послании» можно было бы видеть своеобразную, единственную в своем роде литературную параллель к помещичьим челобитным царю о разорении их поместий восставшими: и в этих челобитных, и в нашем «Послании» одинаково ярко, хотя и совершенно по-разному (в смысле особенностей стиля, формы) отразилась социальная, классовая природа восстания Болотникова.

Однако значение и ценность первой части «Послания» не только в том, что она дает необычайно яркую и реалистическую картину расправы восставших крестьян с крепостником-помещиком, причем эту картину нарисовал сам «потерпевший». Она в то же время является старейшим зафиксированным в рукописи образцом «скоморошьего стиля», той рифмованной народно-прибаутной речи, которая получила широкое распространение в посадской сатирической литературе второй половины XVII столетия и перешла в лубочную литературу XVIII в.

Стремление к ритмической организации речи, к рифмующимся окончаниям отдельных строк или фраз вполне отчетливо определилось уже во второй половине XVI и самого начала XVII в., например, в произведениях Ивана Пересветова, Ивана Грозного, Андрея Курбского. В таких же произведениях, как «Новая повесть о преславном Российском царстве»,

¹⁷ История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 41—42.

¹⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 237. (Разрядка моя, — А. Н.).

¹⁹ Акты времени правления царя Василия Шуйского. — ЧОИДР, 1915, кн. II, стр. 257; там же (стр. 255—256) челобитная двух других «обиженных» восставшими о том, что их «поместейца» «от твоих государевых изменников разорены без остатка». См. также у И. И. Смирнова: Восстание Болотникова, 1951, стр. 500.

«Сказание» Авраамия Палицына и некоторые другие,²⁰ это сознательное стремление к стихотворной организации речи получило уже вполне законченное выражение. Однако в них мы видим организацию стихотворной речи на книжном материале, в значительной мере еще в рамках старой литературной традиции. Совершенно иное явление представляет народно-прибауточный стих «Послания» Фуникова: он строится в основном на фольклорном материале, на живой народной речи, на ее поговорках, прибаутках и шутках; он легче и гибче, подвижнее и доходчивее, чем тяжеловесные еще в большинстве случаев стихотворные строки названных исторических произведений.

Приведу несколько иллюстраций.

Поднявшиеся на своих угнетателей крестьяне захватили не только имущество тульского дворянина, его усадьбу и различные угодья, но взяли в плен самого помещика-крепостника. Свое послание к другому дворянину он — после необходимых трафаретных приветствий — и начинает с рассказа о том, что приключилось с ним самим, каких «бед» он натерпелся, причем этот рассказ выдерживает в шутливом, прибауточном тоне:

А мне, государь, тульские воры выломали на пытках руки
и нарядили, что крюки,
да вкинули в тюрьму; и лавка, государь, была уска,
и взяла меня великая тоска.
А послана рогожа,
и спать не погоже.
Седел 19 недель,
а вон из тюрьмы глядел.
А мужики, что ляхи,
дважды приводили к плахе.
За старые шашни
хотели скинуть в башни...

Дальше автор жалуется:

И учинили надо мною путем,
мазали кожу двжды кнутом.

После разгрома имения он оказался —

разорен до конца...
.....
Не оставили ни волосца животца
и деревню сожгли до кола
.....
А ныне воистинну живем в погребнице
и кладем огневище,
а на ногах воистинну остались одне голенища.²¹

Как справедливо указала В. П. Адрианова-Перетц, этот «народно-юмористический», «фольклорный стих», эта «шутливая форма народных сатирических и юмористических песен и сказок», наконец, эта усвоенная под воздействием народного юмора «манера иронизировать над своей собственной судьбой» не соответствуют социальному лицу автора-крепостника и крепостническому содержанию его «Послания»: здесь он «воспользовался фольклорной формой для цели, прямо противоположной

²⁰ См.: Н. К. Гудзий. Заметки о Повести кн. Ив. Мих. Катывева-Ростовского. — Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского, стр. 306—309 (= СОРЯС, т. 101, № 3, Л., 1928).

²¹ Цитаты из Послания приведены по изданию И. И. Смирнова (Восстание Болотникова, 1951, стр. 541—543) с разбивкой сплошного текста на рифмованные строки.

той, какой эта форма служила в народном творчестве».²² Он мог сделать это под воздействием фольклора. «В связи с общей демократизацией и авторской и читательской среды» фольклор широко вошел в литературный обиход. Возможно, кроме того, облекая свой рассказ в живую и широко доступную читателям новую форму изложения, он рассчитывал «вызвать к себе сочувствие и за пределами своего класса».²³

Вполне соглашаясь с этими высказываниями В. П. Адриановой-Перетц, замечу кстати, что в работе «Русская демократическая сатира XVII века» (1954 г.), где В. П. Адрианова-Перетц отрицает авторство Фуникова, она совершенно не касается вопроса о соответствии или несоответствии народно-юмористического, фольклорного стиха социальному положению неизвестного автора.

Вообще первоначальная интерпретация «Послания дворянина к дворянину», данная В. П. Адриановой-Перетц в статье «Исторические повести XVII века и устное народное творчество» (1953 г.), мне представляется более вытекающей из самого произведения, его содержания и формы, и высказанными здесь несколькими замечаниями мне хотелось бы поддержать именно такое истолкование этого своеобразнейшего памятника начальных лет «Смуты».

²² ТОДРЛ, т. IX, стр. 75—76.

²³ ТОДРЛ, т. IX, стр. 76.